

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Некоторые проблемы теории и практики обмана противника

*Полковник в отставке В.И. ОРЛЯНСКИЙ,
доктор военных наук*

ОРЛЯНСКИЙ Владимир Иванович родился 14 апреля 1948 года в селе Дивное Ставропольского края. Окончил Орджоникидзевское высшее командное училище им. маршала Советского Союза А.И. Еременко (1971), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1982), адъюнктуру (1987) и докторантуру (1996) Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Службу проходил в Группе советских войск в Германии, Сибирском и Среднеазиатском военных округах в должностях командира мотострелкового взвода и мотострелковой роты, командира комендантской роты дивизии, старшего помощника начальника учебного отделения штаба учебной мотострелковой дивизии, начальника штаба учебного мотострелкового полка, старшего офицера оперативного отдела штаба армейского корпуса.

С 1987 по 1998 год — старший преподаватель кафедры тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе. После увольнения в запас работает в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации старшим преподавателем (с сентября 1998) и профессором (с июля 2000) кафедры оперативного искусства.

Защитил кандидатскую (1987) и докторскую (1996) диссертации по проблеме развития тактики наступления в условиях применения перспективных средств вооруженной борьбы. Действительный член Академии военных наук и Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка.

ВЕСЬМА неожиданными для автора данной публикации стали критические замечания уважаемого профессора В.Д. Рябчука, изложенные в его статье «Еще раз о сущности обмана противника»¹. С уважением воспринимая стремление Виктора Дмитриевича защитить авторитет современных и древних выдающихся военных и государственных деятелей, на который, впрочем, никто и не покушался, тем не менее с рядом его суждений никак не могу согласиться в силу того, что многие годы непосредственно занимался исследованием этих вопросов.

Так, по моему глубокому убеждению, в статье В.Н. Каранкевича «Как научиться обманывать противника?»² вопросы теории и практики данного аспекта военного искусства изложены в соответствии со взглядами более чем двадцатилетней давности, а некоторые из них, по нашему мнению, просто ошибочны и сводят на нет результаты большой работы в данной области. Именно это послужило толчком для ответной публикации³, в которой не допущено ничего оскорбительного.

В отношении упрека, что в этой статье даже не упоминается о капитальных трудах одного из основателей научной школы исследования проблем обмана противника доктора военных наук генерал-полковника В.Н. Лобова, коротко поясню. На основании анализа его взглядов,

¹ Военная Мысль. 2008. № 1. С. 48—52.

² Военная Мысль. 2006. № 9. С. 44—58.

³ Военная Мысль. 2007. № 7. С. 72—80.

изложенных, в частности, в книге «Военная хитрость в истории войн» и ряде научных статей, в 90-е годы прошлого столетия на страницах журнала «Военный вестник» мной была инициирована открытая дискуссия, которая проводилась в течение двух лет. Главным итогом ее и последующих научных исследований стала выработка определения понятия «военная хитрость», прошедшего всестороннюю рецензию и вошедшего в последнее издание Военной Энциклопедии⁴. Причем это определение существенно отличается от трактовок В.Н. Лобова. Если до этого научные труды, в том числе немало диссертаций, были написаны при отсутствии научного определения термина «военная хитрость» (что само по себе представляется абсурдом), то теперь это понятие приобрело дефиницию.

Однако раскрытие сущности военной хитрости само по себе не стало прорывом в области развития понятийного аппарата. И это неудивительно, поскольку данный термин давно устарел и с профессиональной точки зрения практически не востребован. Он трансформировался в более конкретную категорию «обман противника», а также в различные словосочетания, связанные с терминами «искусство», «мастерство», «изобретательность», «умение» (военное искусство, искусство командира, стрелка, радиста, искусство построения боевого порядка, воинское мастерство и т. п.).

Поэтому внесение в понятийный аппарат «новых» (а на самом деле устаревших, вышедших из употребления) терминов требовало уточнения теоретической позиции в отношении понятия «военная хитрость», так как без ясности понятий не может быть ясности мысли и весьма затруднительно целенаправленно вести научный спор, обсуждать положения разрабатываемых учебников, учебных пособий, руководящих документов. На наш взгляд, **к понятийному аппарату следует относиться как к важнейшему инструменту, необходимому для осуществления непростой работы в области теории и практики военного искусства**, где ошибки очень дорого стоят. Приходится только сожалеть, что по этому вопросу мы расходимся во взглядах с Виктором Дмитриевичем, не признающим «обоожествления»⁵ понятийного аппарата.

Недооценка значимости понятийного аппарата, на наш взгляд, приводит к явно ошибочным суждениям. Так, в отношении операции, проведенной под руководством К.К. Рокоссовского, Виктор Дмитриевич утверждает, что противник знал — танки по болотам не ходят⁶. Тем не менее танки по болоту все-таки прошли (!). Но произошло это не столько в результате обмана, сколько вследствие неправильной оценки или недооценки противником обстановки. И если до этого он был привержен шаблонным оценкам и действиям, то получил достойный урок.

Шаблон ведет к провалу в достижении цели операции (боя). Так было всегда. И сегодня на этом приходится акцентировать особое внимание, поскольку опыт учебного процесса, оперативной подготовки, а нередко и боевых действий показывает, что познание этих азов дается с трудом. Еще более сложной является задача реализации на практике даже вполне понятных теоретических положений. Если же последние недостаточно глубоко раскрыты, трактуются абстрактно, без учета характера работы командования по управлению войсками, то вряд ли следует ожидать высокой эффективности практических действий.

Поэтому важно не только говорить о необходимости исключения шаблона, но и вести теоретические изыскания путей повышения уров-

⁴ Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 2004. Т. 8. С. 329.

⁵ Военная Мысль. 2008. № 1. С. 50.

⁶ Там же.

ня военного искусства, как искусства выполнения поставленной боевой задачи, что предполагает нешаблонность, оригинальность действий, высокий уровень их совершенства. Одним из таких направлений и является развитие теории и практики введения противника в заблуждение в целях снижения эффективности его действий, достижения внезапности применения своих войск и оружия в операции (бою).

В отношении явно просматривающегося преклонения моего глубоко уважаемого оппонента перед руководящими документами могу сказать, что не считаю возможным принять его точку зрения. Виктор Дмитриевич, очевидно, считает, что все эти документы идеальны и не нуждаются в корректировке. На наш взгляд, они должны уточняться по мере получения новых научных выводов по тем или иным вопросам с учетом непрерывного развития окружающей нас действительности, в том числе и различных аспектов военного искусства. **Цель любой научной работы заключается в получении новых объективных выводов, служащих основой для дальнейшего развития теории и практики, а следовательно, и для уточнения положений, изложенных в руководящих документах.**

Что касается отношения других военных теоретиков, в том числе уважаемых и заслуженных ученых И.Н. Воробьева, В.А. Киселева, Г.А. Налетова, к проблеме обмана противника, то, на наш взгляд, при ее исследовании важно обеспечить максимальную объективность, в том числе путем использования исключительно корректного понятийного аппарата. В этой связи приведенная очень авторитетными учеными в одной из статей якобы «безобидная» информация об исследовании «способов введения противника в заблуждение и его обмана...»⁷ представляется не просто некорректной, но и вредной. Она не только не вносит ясность, но еще больше запутывает читателя, поскольку термины «введение в заблуждение» и «обман», являющиеся синонимами, представлены в ней как разные понятия, якобы отражающие различные явления, что в корне неверно.

Однако переход в ходе дискуссии к обсуждению личности, а не сути проблемы делает ее ненаучной и в конечном счете ненужной. Очень не хочется участвовать в подобных обсуждениях. Ведь ответы на вопросы о сущности и соотношении понятий «оперативная маскировка», «обман противника», «введение противника в заблуждение» так и не даны, а их научный поиск фактически приостановлен. И это вызывает искреннее сожаление, ибо уточнение понятий важно не само по себе, а в связи с конкретной работой должностных лиц во все более усложняющихся условиях подготовки и ведения операции и боя.

Чем точнее понятия отражают сущность явлений, тем глубже они понимаются командным составом в боевой обстановке, тем адекватнее реакция на ее изменения, эффективнее управление подчиненными войсками. В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторые реально существующие проблемные вопросы в области теории и практики обмана противника и возможные пути их решения. Их актуальность обусловлена дальнейшим развитием средств вооруженной борьбы и способов ее ведения, а также **существенным повышением разведывательных возможностей потенциального противника** в современных условиях, что усложняет задачу его обмана в интересах достижения внезапности и повышения эффективности действий своих войск.

Как показывает опыт военных конфликтов последних десятилетий, армии передовых государств мира оснащаются все более мощным и точным оружием, усовершенствованными системами разведки, управления и навигации, разработанными на основе новейших технологий. Соответственно усиливается зависимость достижения

⁷ Военная Мысль. 2008. № 1. С. 51.

успеха в операции (бою) от снижения эффективности применения средств воздушного нападения и высокоточного оружия противника, которая во многом определяется возможностями его воздушной и наземной разведки.

Для ведения воздушной разведки в оперативном масштабе противник способен выделить десятки самолетов-разведчиков и беспилотных летательных аппаратов (БЛА) в сутки, что позволяет ему средствами воздушной радиотехнической, фотографической, радиолокационной, телевизионной и инфракрасной разведки в течение одного-двух часов с высокой степенью вероятности обнаружить в полосе действий только одной нашей дивизии или бригады до 10 важных объектов (пунктов управления, артиллерийских дивизионов, танковых и мотострелковых рот в колоннах или опорных пунктах). При этом в течение всей воздушной фазы противоборства (до вступления в бой наземных группировок войск) возможности по вскрытию противником важных объектов дивизии, бригады или полка при их сосредоточении в районах и особенно при выдвижении существенно возрастают.

Силы наземной разведки противника в течение только одного часа способны, как показала практика, вскрыть до 50 % важных объектов дивизии (бригады) с вероятностью не менее 0,9. С этой целью, по опыту боевых действий в зоне Персидского залива, могут широко применяться средства радио- и радиотехнической разведки, находящиеся в разведывательных подразделениях общевойсковых соединений.

В связи с этим одним из важных условий достижения успеха в современной операции (бою) является осуществление комплекса мер по введению противника в заблуждение в отношении положения войск (элементов оперативного построения, боевого порядка), пунктов управления и других важных объектов, что обеспечивается, как принято говорить, их надежным скрыванием. Но, на наш взгляд, **этот способ обмана противника правильнее трактовать как противодействие разведке противника**, позволяющее скрыть от него всю важную информацию о своих войсках и замыслах при подготовке и в ходе операции (боя)⁸.

Данный способ представляет собой комплекс разноплановых мероприятий. Некоторые из них проводятся *постоянно* в мирное и военное время, другие — при подготовке и в ходе операции (боя) *заблаговременно*, как правило, до начала активного ведения разведки противником на конкретном направлении, в том или ином районе. Наконец, определенная часть мероприятий осуществляется *непосредственно* с началом широкомасштабного ведения противником разведки в полосе действий объединения (соединения, части). Постоянное и заблаговременное противодействие разведке противника основывается на мерах предупредительного характера и направлено на создание условий, исключающих или существенно снижающих эффективность применения его разведывательных сил и средств.

Постоянное противодействие разведке противника заключается в осуществлении специфических мер по созданию условий, исключающих утечку важной информации *в мирное и военное время в повседневной и боевой деятельности войск*, включая бытовое (непрофессиональное) общение. К основным из них относятся организация и осуществление особого режима охраны объектов, скрытого управления войсками, защиты технических носителей секретной информации и др.

Все эти меры предпринимаются преимущественно еще до начала ведения разведки противником и осуществляются непрерывно. Значительная их часть реализуется с помощью специально подготовленных

⁸ Военная Мысль. 2003. № 7. С. 38—45.

сил и средств, на которые возлагаются задачи охраны, защиты, контроля, обеспечения закрытой связи. Особое значение в современных условиях приобретают **меры по обеспечению кибербезопасности**⁹ — защите компьютерных сетей, в том числе военного назначения, от проникновения компьютерных взломщиков.

Постоянное противодействие разведке противника направлено на исключение утечки информации о составе войск, находящихся в пунктах дислокации и районах сосредоточения, уровне их подготовки и оснащения, что опосредованно влияет на введение противника в заблуждение в отношении возможностей войск и намерений командования по их применению.

Заблаговременное противодействие разведке противника заключается в упреждающем (преимущественно до начала его активных разведывательных действий) осуществлении мероприятий, направленных на создание условий, исключающих или существенно затрудняющих получение им важной информации о положении, состоянии и возможностях войск *при подготовке и в ходе операции (боя)*. К ним относятся маскировка войск и объектов, сокращение числа лиц, допущенных к разработке боевых документов, охрана пунктов управления и т. п.

Непосредственное противодействие разведке противника предполагает осуществление наиболее активных мер, связанных с применением различных видов оружия, и заключается в уничтожении, подавлении или дезорганизации сил и средств разведки противника *в процессе их применения*. Эти меры направлены на существенное снижение или полное исключение возможности по ведению им разведки в целях получения разведывательной информации. Непосредственное противодействие разведке противника включает *огневое, энергетическое (радиоэлектронное и др.)*, а в перспективе и *программное поражение*¹⁰ ее сил и средств, а также их захват и уничтожение.

Все три вида противодействия разведке противника требуют от командного состава своевременного принятия определенных организационных мер как в мирное, так и в военное время. Однако заблаговременное и непосредственное противодействие разведке противника при подготовке и в ходе операции (боя) в наибольшей степени направлено на введение противника в заблуждение по вопросам применения войск в конкретной обстановке и потому требует самой тщательной организации.

В частности, одним из важнейших вопросов, решаемых командующим (командиром), является распределение штатных и приданных сил и средств противодействия между соединениями (частями, подразделениями) в зависимости от их роли в выполнении поставленной задачи. Это будет зависеть от избранных способов обмана противника в целом и противодействия его разведке в частности. Эффективным способом заблаговременного противодействия оптико-электронным, лазерным и тепловизионным средствам разведки наряду с маскировкой является «ослепление» операторов разведывательных систем противника с помощью инфракрасных и обычных прожекторов, осветительных боеприпасов. Поэтому при подготовке операции (боя) требуется распределять не только силы и средства маскировки, но и специальные команды или подразделения, оснащенные средствами для постановки тепловых и световых помех.

Эффективность противодействия разведке противника повышается при комплексном использовании различных средств. Так, одновременная

⁹ Независимое военное обозрение. 2008. № 4. С. 7.

¹⁰ Военная Мысль. 2007. № 4. С. 55—61.

постановка на рубеже аэрозольной и световой завес приводит почти к двукратному увеличению времени обнаружения целей экипажами танков и БМП противника по сравнению с отдельной постановкой таких завес.

Важную роль в решении задачи введения противника в заблуждение относительно положения и действий выдвигающихся частей и подразделений играет противодействие его разведывательным вертолетам и БЛА путем постановки ослепляющих аэрозольных завес непосредственно в расположении обороняющихся войск. А их установка на незначительном удалении от переднего края позволяет не только снизить эффективность применения вертолетов и БЛА противника, но и сорвать работу находящихся на земле его наблюдателей, передовых авианаводчиков и пунктов лазерной подсветки целей. К тому же вертолеты противника, вынужденные для ведения разведки и осуществления подсветки целей подниматься выше аэрозольных завес, становятся более уязвимыми для средств ПВО.

Что касается мер *непосредственного противодействия разведке противника*, то они пока не систематизированы, в должной степени не формализованы и поэтому на практике или вообще не планируются и не осуществляются, или проводятся не в полном объеме и потому малоэффективны. В этой связи представляется целесообразным остановиться на этой проблеме более подробно.

Непосредственное противодействие разведке противника может осуществляться путем применения средств огневого, энергетического и программного поражения*. Чтобы определить наиболее эффективные способы такого противодействия, например с помощью огневых средств, необходимо рассчитать возможные масштабы применения в боевой обстановке разведывательных сил и средств противника. Рассмотрим их применительно к наступательному бою дивизии (бригады).

В период подготовки и с началом наступления дивизии (бригады), в ходе огневой подготовки и выдвижения частей первого эшелона из исходных районов, обороняющийся противник будет широко применять разведывательную авиацию, а также наземные разведывательные формирования, способные проникать на всю глубину построения боевого порядка наступающих войск. Расчеты показывают, что противник сможет применить не менее 30—40 разведывательных вертолетов и БЛА на направлении действий дивизии и 15—25 — в полосе бригады, а количество наземных сил и средств разведки (при переводе их в типовые объекты поражения), вероятнее всего, достигнет 30—35 и 15—20 соответственно.

Очевидно, что **без сосредоточения достаточных усилий на поражении этих объектов и существенного снижения разведывательных возможностей противника ввести его в заблуждение будет практически невозможно**. Чтобы решить эту задачу, в период подготовки наступления и с его началом (при проведении огневой подготовки и выдвижении частей первого эшелона из исходных районов) часть артиллерии и средств ПВО, заблаговременно развернутых на огневых (стартовых) позициях, целесообразно привлечь для непосредственного противодействия разведке противника и создания тем самым условий для введения его в заблуждение. Потребное количество средств ПВО, ракетных войск и артиллерии будет зависеть от конкретной обстановки, и прежде всего от общего состава противостоящей группировки войск, а также от степени вскрытия разведывательных объектов противника.

* В данной статье энергетическое и программное поражение рассматриваются в постановочном плане, как перспективные направления развития теории и практики военного искусства.

Как показывают расчеты, в период подготовки наступления и на начальном этапе его ведения для активного противодействия разведке противника в полосе дивизии (бригады) потребуется заблаговременно развернуть на избранных направлениях в среднем от двух до шести артиллерийских батарей и одну-две зенитные артиллерийские (зенитные ракетные) батареи. Это позволит даже при относительно небольшой степени вскрытия разведывательных объектов (0,3—0,5) и временном выводе их из строя снизить разведывательные возможности противника на 20—40 %, что будет способствовать достаточно эффективному проведению мероприятий по введению его в заблуждение относительно положения своих войск, их состояния и планируемого применения.

При переходе в наступление с выдвиганием из глубины по мере приближения частей первого эшелона общевойсковых соединений к переднему краю обороны возможности противника по их обнаружению начнут повышаться, поскольку для получения достоверной информации будут задействованы усилия пяти-шести видов разведки. Общее количество его сил и средств, применяемых в этот период для ведения разведки, целесообразно определять с учетом ожидаемой их плотности на один километр фронта. Так, в полосе наступления дивизии шириной 10—15 км противник может применить в общей сложности 130—300 разведывательных объектов разных типов, а в полосе бригады (ширина 4—6 км) — 60—120.

Кроме того, в зависимости от условий обстановки в полосе наступления общевойскового соединения может быть развернуто около 70—100 различных пунктов управления от взвода до дивизии (мотопехотных, танковых, артиллерийских, зенитных, авиационных) и постов наблюдения противника, которые ведут разведку сами или пользуются разведывательной информацией при управлении войсками и оружием. Большая их часть располагается на переднем крае и в ближайшей тактической глубине в подразделениях от взвода до батальона. С учетом важности этих объектов и относительно небольшого удаления от переднего края основной вклад в их поражение вносят части первого эшелона.

Опыт боевых действий показывает, что для поражения вышеперечисленных объектов **целесообразно применять высокоточные боеприпасы и боеприпасы объемного взрыва**. В ходе боя необходимо стремиться к максимальной реализации этих и других способов поражения сил и средств разведки противника, но вместе с тем учитывать, что они не всегда окажутся приемлемыми и достаточно эффективными. Так, выделение для решения этой задачи значительного количества высокоточных боеприпасов влечет за собой снижение возможностей наступающих войск по поражению других, не менее важных и многочисленных целей (артиллерии на огневых позициях, армейской авиации на площадках подскока, бронированных объектов, противотанковых средств и т. п.). Применение боеприпасов объемного взрыва, имеющих большой радиус поражения, будет, как правило, неприемлемо в ходе атаки и в других случаях из-за угрозы поражения своих войск. Использование забрасываемых передатчиков помех различного типа также не всегда целесообразно вследствие большой потребности в них, а также из-за возможного их воздействия на средства связи своих войск, находящихся в непосредственном соприкосновении с противником.

С учетом вышеизложенного в ходе наступления общевойсковых соединений непосредственное противодействие разведке противника необходимо осуществлять активно и различными способами. Так, при входе частей в зону досягаемости большей части разведывательных средств противника определенное их количество может выводиться из

строю в общем процессе огневого (энергетического и программного) поражения. Однако некоторые из них, например, разведывательные БЛА, вертолеты-корректировщики, радиолокационные станции, наблюдательные и командно-наблюдательные пункты, целесообразно выводить из строя специально выделенными силами и средствами.

В перспективе развитию способов непосредственного противодействия разведке противника в операции (бою) будет способствовать дальнейшее совершенствование систем наземной и воздушной разведки, а также разработка образцов оружия на новых физических принципах. Это позволит существенно увеличить возможности воинских формирований оперативного и тактического звеньев по обнаружению сил и средств разведки противника и их поражению, а также по контролю эффективности воздействия по ним.

Меры по заблаговременному и непосредственному противодействию разведке противника в операции значительно масштабнее и требуют еще более кропотливой и конкретной организационной работы командования и штаба объединения.

Эта работа должна начинаться уже при выработке замысла операции (боя), когда, определяя комплекс мер по обману противника, необходимо предусматривать меры и наиболее приемлемые способы заблаговременного и непосредственного противодействия его разведке. С учетом этого указываются районы расположения и действий соединений (частей, подразделений), в интересах которых наиболее широко предполагается осуществлять маскировку с помощью аэрозольных, осветительных и иных средств, а также уточняется состав и устанавливается порядок применения дежурных и специально выделяемых огневых (энергетических, программных) средств в интересах борьбы с силами и средствами наземной и воздушной разведки.

Более конкретно и полно вопросы, касающиеся распределения сил и средств противодействия разведке противника, порядка и способов их применения, рассматриваются во время завершения принятия решения на операцию (бой), при определении задач соединениям, частям и подразделениям (в том числе по видам обеспечения) и основ взаимодействия.

В связи с проблемой практической реализации мер по обману противника в операции (бою) важно отметить одну из особенностей противодействия его разведывательным силам и средствам. Она заключается в двойственной направленности такого противодействия, обусловленной предназначением разведывательной информации в вооруженном противоборстве для **решения двух основных взаимосвязанных задач**: первая — вскрытие характера действий и замыслов противника, вторая — определение точного местоположения его войск и объектов с целью немедленного их поражения.

Для противоборствующих сторон оба этих направления разведки являются одинаково важными. Однако в рамках второго направления обращает на себя внимание существенное повышение роли *автоматизированной разведки*, ведущейся техническими средствами в интересах повышения эффективности поражения войск и объектов. Именно с этой целью осуществляется дальнейшая техническая интеграция подсистем разведки, наведения и поражения в системах высокоточного оружия (ВТО) различного базирования и разной дальности действия.

При этом наряду с интеграцией существенным отличием ведения разведки системами ВТО является полная автоматизация этого процесса. В нем отсутствует или существенно снижено участие человека. Поэтому **противодействие техническим средствам разведки, ведущейся системами**

ВТО противника, осуществляется не с целью ввести его в заблуждение (вводить в заблуждение некого), а **с целью дезориентировать, нарушить функционирование этих систем (интегрированных комплексов ВТО).** В подобных случаях функциональное предназначение мер противодействия разведке противника заключается не в скрытии (сохранении информации в тайне) и тем самым введении противника в заблуждение, а в защите своих войск и объектов. Это следует учитывать при принятии решения на операцию (бой), комплексируя при необходимости цели и способы заблаговременного и непосредственного противодействия разведке в интересах одновременного решения задач по введению противника в заблуждение и защите войск и объектов.

Таким образом, в статье рассмотрены **два проблемных вопроса обмана противника в операции (бою).** Суть первого, теоретического, заключается в несоответствии существующей трактовки понятия «скрытие» реальным явлениям, происходящим на поле боя, выражающимся в противодействии разведке противника различными способами с целью исключить получение им разведывательной информации. Путь решения этого проблемного вопроса заключается в уточнении названия способа обмана противника и конкретизации его сущности: **вместо понятия «скрытие» следует употреблять термин «противодействие разведке противника».** Данная категория более полно соответствует сущности всей совокупности действий, направленных на исключение или существенное затруднение получения противником информации о положении, оснащении, обеспеченности и возможностях соединений, частей и подразделений (элементов оперативного построения или боевого порядка), а также о замысле операции (боя).

Противодействие разведке противника как комплекс мер целесообразно подразделять на *постоянное, заблаговременное и непосредственное.* Введение этой категории в понятийный аппарат в данном качестве облегчит системное и комплексное решение в теории и на практике вопросов обмана противника в операции и бою.

Второй проблемный вопрос — практический. Его суть в противоречии, заключающемся в несоответствии существующих приемов и способов работы командующего (командира) по введению противника в заблуждение реальным условиям подготовки и ведения боевых действий. Одним из путей его решения является определение в замысле операции (боя) и других элементах решения мер по заблаговременному и непосредственному противодействию разведке противника наряду с другими мерами по его обману.

В силу сложности поднятых проблем в рамках одной статьи невозможно раскрыть пути их всеобъемлющего решения. Поэтому существенные дополнения, конструктивные критические замечания и предложения, за которые автор будет весьма признателен, могут только способствовать проведению дальнейших исследований в этой области.
